

ЭШЛИ ДЬЮАЛ

СМЕРТЕЛЬНО
БЕЗМОЛВНА

LIKE
BOOK

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д92

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Иллюстрация на обложке Djuneу9

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Mid0ri / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Дьюал, Эшли.

Д92 Смертельно безмолвна / Эшли Дьюал. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-177880-4

Дельфия Этел давно знает, что она ведьма. Еще она знает, что боль любого человека разрывает ее на части, приносит невыносимые муки. Ее спасение в безмолвии, в вечном одиночестве. Она собирается укрыться в стенах собственного дома, однако все меняется, когда на пороге появляются незнакомцы из далекого города Астерии.

Стоит девушке пойти с ними? Или, вырвавшись на волю, она очутится в еще более глубоком океане боли и одиночества?

Тем временем в Астерии все меняется. После того как Ариадна Блэк продала душу дьяволу, она превратилась в ночной кошмар, вырвавшийся из снов жителей. Ей чужды сострадание и милосердие. Ей чужды человеческие эмоции.

Сможет ли она вернуть свою душу? Или же у этой истории нет счастливого конца?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дьюал Э., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-177880-4

*Умереть — это выбор? Либо безысходность.
Или же безысходность — тоже выбор?*

*Нужно быть либо первым, либо последним,
чтобы о тебе помнили.*

Часть первая
ДЕЛЬФИЯ ЭТЕЛ

Глава 1

КАК ЗЛОБЕН В БУРЮ ОКЕАН

Я считаю шаги, когда иду домой. Я всегда так делаю.

Девяносто три. Девяносто четыре. Девяносто пять.

Кто-то толкает меня в плечо, я резко покачиваюсь, но глаз не поднимаю, лишь прибавляю скорость и еще четче считаю: *девяносто девять, сто, сто один.*

Я смотрю на серый искореженный асфальт и плетусь, сгорбив от раздражения спину. Я так часто стискиваю руки в кулаки, что у меня на ладонях образовались темные ссадины бордово-синеватого цвета. Они ноют. Я считаю шаги, сосредоточившись на боли, ползущей по пальцам. Я рада, что ладони зудят, так проще. Не знаю, что бы я делала, если бы не спасительные цифры и боль.

Двести восемьдесят семь, двести восемьдесят восемь. Дом уже близко. *Двести девяносто.* Люди далеко. Вокруг моего дома пустырь, но мне это необходимо.

Поднимаюсь по ступеням, решительно открываю дверь и врываюсь внутрь, едва не споткнувшись на пороге. Случайно ударяюсь плечом о дверной косяк, и тут же плечо обжигает боль, но я рада этому. Лучше моя боль, чем боль других.

В доме стоит запах старой мебели, но я привыкла к нему. Это запах спокойствия. Я вбегаю в ванную комнату, проворачиваю кран и нервными движениями стягиваю с себя одежду. Жду, пока вода дойдет до края, закрываю кран и погружаюсь под толщу, втянув воздух как можно глубже в легкие.

Тишина. *Раз, два, три, четыре, пять.* Я могу быть здесь столько, сколько пожелаю.

Вода поглощает звуки, обволакивает тело и не дает чужим чувствам, голосам, боли проникать в голову. Вода — *моя тюремная камера*, но я не хочу выбираться на свободу. Только здесь, в безмолвной тишине, я чувствую *себя*, переживаю *свои* ощущения.

Пятьдесят три, пятьдесят четыре, пятьдесят пять.

Дышать уже трудно, я сжимаю бортик ванны, но не поднимаюсь.

Плечи расслабляются, исчезает звон в ушах, я чувствую, как пузыри воздуха несутся по моей коже, и представляю, как они лопаются на поверхности. Они разрываются на сто, а может, и двести миллиардов частичек! А я не разорвусь, не сейчас, потому что я в своем убежище. Здесь я причиняю боль только себе.

«Как злобен в бурю океан, — говорю я про себя, зажмурившись, — но рыбы в глубине живут в неподвижных водах, как во сне».

Легкие вспыхивают от боли, дышать почти нечем, но я не вынырываю. Снаружи еще больнее, ведь я пропускаю боль каждого через себя. Больнее, ведь не всем я в состоянии помочь, а иногда я просто не хочу. Исцеляя других, я причиняю вред себе. И, возможно, я эгоистична, но мне кажется, спрятаться в собственной тюрьме правильнее, чем погрязнуть в тюрьмах окружающих.

Так или иначе все выстраивают вокруг себя стены.

Мои стены не только отгораживают от людей, но и не пропускают их ощущения.

«Как злобен в бурю океан, — повторяю я про себя. Тело дергается в конвульсиях, а я лишь крепче сжимаю бортик ванны. — Но рыбы в глубине... Рыбы...»

Пожар ошпаривает легкие. Сейчас я отключусь. Я уже отключалась, и много раз. Но затем чьи-то руки вырывают меня из плена, и, резко распахнув глаза, я оказываюсь лицом к лицу с испуганной матерью.

— Успела, — тараторит она хриплым голосом, — успела.

Она обхватывает меня сильными руками и вытаскивает из ванны. Я безвольно падаю на кафель, сворачиваюсь клубком и чувствую, как из ванны на меня обрушиваются волны, качающиеся из стороны в сторону.

Я не помню, когда было иначе. Наверное, это происходит всю мою жизнь.

В ванной комнате припасено одеяло. Мама накрывает мне плечи и трясущиеся ноги. Ее грудная клетка тяжело вздымается и опускается, но мама не злится. Она никогда на меня не злится. Ласково поглаживает мокрые волосы и напевает себе что-то под нос, что успокаивает меня, как колыбельная.

— Как злобен в бурю океан, — шепчет она, и я впитываю тепло, которое исходит от ее объятий, — но рыбы в глубине живут в недвижных водах, как во сне.

— Как во сне, — повторяю я и разжимаю кулаки.

Ноги расслабляются, я плотнее укутываюсь в одеяло. Мама целует меня в макушку, а затем улыбается. Я не вижу, но чувствую, что теплота заполняет ее сердце.

— Идем.

Трудно представить мою жизнь без приступов и осложнений. Тогда это была бы и не моя жизнь. Так происходит уже девять лет. Я существую с виной и угрызениями совести. Я не могу спасти всех, а главное — не хочу. Но мои способности для этого и появились: я должна облегчать муки тех, кто их испытывает. К сожалению, впитывая боль людей, я пропускаю ее через себя. Мой организм больше не хочет тлеть от сомнений и разрываться на части от неразделенной любви. Организм изношен, сердце требует справедливости, а рассудок так и верещит, что еще чуть-чуть — и спасать придется меня.

Когда я вижу человека, я вижу его *неисправность*. Понимаю, в какой момент он сломался, и нахожу пути исцеления. Надо прикоснуться к нему ладонью и впитать в себя его ощущения. Последствия бывают разными. Обычно мне не терпится вернуться домой, но иногда я не успеваю добраться до мамы. Я теряю сознание и еще долго блуждаю где-то далеко, рассекая время абсолютно другим человеком.

Ненавижу свои способности! Я призвана помогать тем, кто не ценит мою помощь. Отказываться нет сил. Словно на дозе, я ищу все новых искалеченных чужаков, которые так сильно во мне нуждаются. Потом помогаю им, а они уходят, не сказав ни

слова. Даже не притворившись, что я дала им второй шанс, дала им возможность задышать заново.

Люди — черные пустые точки на огромной карте. Они сталкиваются, отталкиваются, старательно делают вид, что мир был создан именно для них, воздух, чтобы они дышали, земля, чтобы по ней ходили. Люди не думают, что и без их присутствия воздух оставался бы воздухом, как и земля землей. Они много о себе возомнили, а я должна их спасать.

Почему? Не хочу! Они не заслуживают.

Я понимаю людей, их чувства и мотивы, и, знаете, лучше бы их потаенные желания так и оставались для всех загадкой, потому что зачастую за тем или иным плохим поступком не стоит никакой высшей цели. Люди причиняют друг другу боль от злости, из зависти. Они просто делают — и все. В этом нет смысла, но иначе они не умеют. Лучше бы я не понимала и не знала отгадку, а оставалась в неведении и наивно полагала, что у каждого слова есть причина. Но нет, причин не существует, как и хороших людей.

Мы сидим за круглым столиком. Я разглядываю еду в тарелке, понимая, что не хочу к ней притрагиваться. Сглатываю ком в горле и хмурюсь, разминая пальцы под столом.

— Дел, еда остывает.

— Не хочу, я не голодная.

— Сама не понимаешь, что говоришь. Не капризничай, ладно? — Мама улыбается. Она постоянно мне улыбается. Отпивает воды и смотрит на меня заботливым взглядом, словно просит прощения. Ее родословная оставила отпечаток на наших жизнях. Ее бабушка была ведьмой. Из-за ее родных мы стали такими. Но я никогда не винила мать. Мама — то, что не дает мне утонуть. Она единственный светлый человек на моем пути, и я никогда не хотела ее исцелить, потому что всегда знала, что она сильная и не нуждается в помощи. — Зашла в магазин?

— Что?

— Тебе надо было в магазин, поэтому ты выходила из дома.

— Да, — киваю в ответ.

Всего лишь магазин, всего лишь в нескольких сотнях метров от дома...

Провожу пальцами по волосам. Они еще не высохли. Мок-
рые, они падают на плечи, а за ними тянутся тонкие струйки.

— Мы же договорились, что ты будешь предупреждать меня,
когда уходишь. Помнишь, Дел?

— Ага, только ты и так все знаешь.

— А если бы не знала?

— Ты в-в-всегда все знаешь, — заикаясь, отвечаю я.

Я редко заикаюсь, но каждый раз, когда язык отказывается
подчиняться, мне хочется взвыть от отчаяния.

Моя последняя попытка «отдохнуть от мира под водой» за-
кончилась плохо. Я отключилась, а пришла в себя уже в боль-
нице с багажом физических проблем. Я никак не ожидала, что
едва не переступлю черту, да еще и вернусь искалеченной.

Доктора сказали, что я повредила какой-то канал в каком-то
отделе мозга. Они очень много тогда говорили, но я не могла
слушать, потому что больница не лучшее место для человека,
который впитывает в себя боль и чувства окружающих. Столк-
нуться с последствиями мне пришлось уже дома, когда я не
смогла нормально позвать маму, когда я просталась с отцом. Он
работает на судне, мой голос осип, и вместо нормальных звуков
я заикалась в нашу последнюю встречу, как старая пластинка.

— Сегодня было столько клиентов, — сообщает мама, по-
правляя густые волосы, — ты и представить себе не можешь.
Я еле успевала! Хорошо, что Айрис согласилась помочь.

Я удивленно вскидываю брови.

— Да, Айрис согласилась помочь, потому что я пообещала
ей надбавку. Но, знаешь, у этой девушки действительно есть та-
лант. Она составляет невероятные букеты, дорогая.

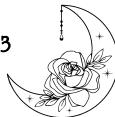
— Не сомневаюсь.

— Тебе понравилось бы.

Пожимаю плечами, а мама вздыхает. На ней длинное бесфор-
менное платье, которое она, возможно, носила еще в эпоху хип-
пи. Или кто там строил иллюзии насчет счастья? Я почему-то
думаю, что она выглядит как никогда красивой, пусть давно уже
не отдыхала.

Собираюсь встать и слышу:

— Осторожно!

Но уже поздно — я случайно задеваю локтем тарелку. Она падает и разбивается на десятки осколков, которые разлетаются по всей кухне. Горошины разбегаются по полу.

— Прости, — извиняюсь я и все же поднимаюсь из-за стола, — я не хотела.

— Дел, все в порядке.

Нет. Я падаю на колени и нервно собираю осколки, царапая пальцы, а мама протяжно выдыхает, присаживается рядом и кладет мне на плечи теплые руки.

— Все хорошо.

Стискиваю зубы и считаю: раз, два, три, четыре... Сколько горошин? Пять, шесть, семь, восемь. А сколько осколков? Их меньше, но они опаснее.

— Я уберу, дорогая.

— Но ведь это я разбила!

Мама чувствует ужасную усталость и отворачивается, потому что знает, что теперь и я это почувствовала. Ей меня жаль. Я смотрю на свои пальцы и вижу мелкие царапинки, из которых течет кровь. Я действительно заслуживаю сожаления. Я мерзкая. Дефектная...

Мама словно читает мои мысли. Она оборачивается и молча прижимает меня к себе, и тогда я понимаю: нет, мама никогда не считала меня мерзкой. Мама меня любит, и в ее объятиях мне всегда спокойно. Как в океане.

— Иди, отдыхай. Я все уберу.

Послушно встаю и иду в свою комнату. *Раз, два, три* — считаю ступеньки. В комнате темно. Шторы задернуты. Достая наушники, включаю музыку и прибавляю громкость до тех пор, пока уши не начинают болеть.

Глава 2

УТЕС

Я почти уверена: чинить людей бессмысленно. Они перестают чувствовать боль, но при этом я не исправляю того, что им удалось разрушить. Знаете, когда людям больнее всего? Не в последнюю секунду. *После*. Люди ломаются не в процессе, а как результат. Не в тот момент, когда наступает самое сложное, не в тот момент, когда груз ответственности горит на плечах и пылает, как свежее мясо на вертеле. Люди ломаются, когда все кончено: бой проигран, близкий потерян, рана кровоточит, когда слишком поздно. Не тогда, когда надо что-то сказать, а когда уже говорить нечего; когда поезд уехал, а момент упущен. Ты потерял нечто важное и лишь теперь понимаешь, как это «нечто» много для тебя значило. Потом я прикладываю ладонь, забираю из груди вопли совести или пики боли, и человек открывает глаза — он продолжает жить, но жить в руинах собственной глупости. В пустыне собственного одиночества. Я помогаю им начать все заново. Но понимаете, что самое смешное: люди — идиоты, и они вновь и вновь повторяют свои ошибки. Не возводят новые стены, а продолжают топтаться на обломках своих надежд и стремлений, добавляя в эту гору новые свершения, у которых нет будущего. А я их лечу. Опять и опять.

Бессмыслица. Невероятно глупая способность: забирать боль у тех, кто за эту боль держится, кто стремится к новой боли.

Я встаю, заправляю кровать и подхожу к зеркалу. Расчесываю волосы медленно и сосредоточенно, считая это одним

